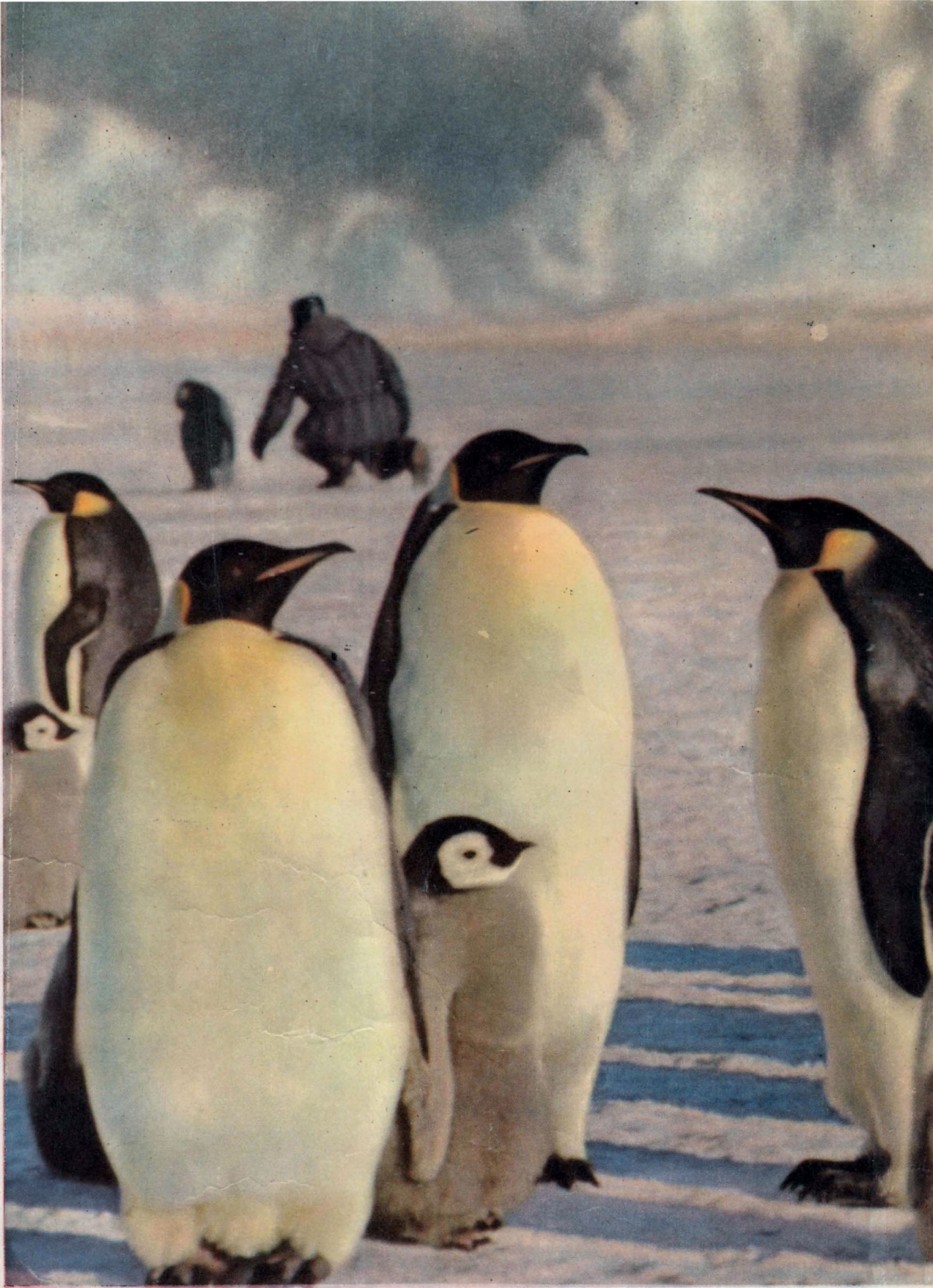

ВОКРУГ СВЕТА

12 1965
ДЕКАБРЬ

БЕЛОВЕЖСКАЯ

«...Владимир повелел заложить город и вместе с тем, по условиям ермени, сторожевую башню — вежу. Город назвали Каменцом... вежа же у него была белая...»

Из Ипатьевской летописи.

...И поныне стоит в районном городе Каменце белая сторожевая башня, напоминающая о временах, когда в этих краях шумел первобытный лес и доходил тот лес до пенных волн Балтики.

В давние времена много зверья обитало в Пуще. Зубры и олени, кабаны и лоси. Жил здесь и могучий великан — тур, самый большой зверь европейской фауны. Но в XVII веке последний тур пал. Коронованные и некоронованные варвары ради потехи и ради наживы истребляли в Пуще все живое.

Помнит Белая вежа о «великом» пожаре, что вспыхнул в конце мая 1811 года и не прекращался четыре месяца. Тысячи людей боролись с огнем. Но слишком много скопилось здесь залежей сухостойных деревьев, сучьев, валежника, а просек в ту пору не было. И ничего не могли сделать люди с огнем. Только начавшиеся в октябре ливни успокоили стихию.

В конце 70-х годов прошлого века над Пущей пронесся ураган, погубивший множество деревьев, а в 1907 году здесь появилась бабочка «монашенка», гусеницы которой уничтожили 2,5 тысячи десятин леса.

Помнит Белая вежа и о нашествии Наполеона. Немало зверя «пощипали» отступавшие войска Бонапарта.

В годы первой мировой войны «хозяйничали» здесь немецкие предприниматели, планомерно истребляя девственный лес. Но особенно пострадали зубры, несколько десятков было отправлено в Германию, большинство уни-

чтожено. В один из апрельских дней 1919 года в Беловежской пуще раздался сухой выстрел — то был убит последний зубр...

Мотоцикл «Иж» с коляской стремительно мчится по прямой асфальтовой дороге. Асфальтовая дорога в глухомани... Только что на взгорье стояли сосны. Мгновение — и новая картина: мягко улыбаются березы. Нет, уже зеленеют могучие дубы с грабовым подлеском, поворот и... словно темное облако, встает впереди ельник! Такова Пуща, малейшее изменение рельефа — и вот уже новый тип леса. Лесоводы называют это явление мозаичностью.

Мы часто останавливаемся, бродим по Пуще и узнаем о ее жизни из уст Евгения Александровича Рамлава, который четверть века работает здесь.

Около тысячи видов растений «проживает» в Пуще. Здесь растет карликовая береза, чей родной дом — голубая озерная Карелия, в Пуще проходит восточная граница скального дуба и самая северная граница белой пихты. Вы встретите здесь приполярную клюкву и могучий граб, перекочевавший со склонов Кавказских гор. Когда тают снега и все низины вокруг залиты водой, в Пущу, лежащую на водоразделе нескольких рек, летит, бежит и скачет все живое.

Здесь, в Пуще, запрещена хозяйственная деятельность. Проводится только селекционный и научный отстрел животных, санитарная рубка леса. Одним словом, вмешательство человека сохраняет заповедник.

Нужен ли вообще отстрел животных в Пуще? Рамлав говорит, что, если сейчас не проводить совсем отстрела оленей, они так расплодятся, что поедят всю молодую поросль деревьев. А это не только изменит облик Пущи, но и может привести к гибели лесей и зубров — в их рацион тоже входит древесный корм, особенно зимой и весной.

Мы подходим к высокой деревянной вышке — что-то вроде пожарной каланчи.

— Наблюдательный пункт, — говорит Рамлав.

Залезаем и смотрим в узкую щель: вокруг широкая поляна, маленький пруд, покрытый светло-зеленой ряской. Сюда собираются на водопой дикие кабаны. А человек в башне ведет наблюдение: сколько пришло кабанов, здоровы ли, каков их возраст, сколько самок и самцов.

Вся территория Пущи (79 тысяч гектаров у нас и 55 тысяч у Польши) разделена просеками на кварталы; каждый квартал, в свою очередь, делится на четыре части — квадраты. Просеки словно контрольно-следовые полосы на границе. Они помогают специалисту «взять след» — какой зверь прошел и в каком направлении. А в один из зимних дней, когда на просеках лежит глубокий снег, в Пуще объявляется «день учета». Идет лесник по «Перспекту оленей» и видит следы зверей пишет на бланке цифру и ставит стрелку. Потом все данные сообщаются в лесничество. Просеки помогают лесникам, егерям-наблюдателям, научным сотрудникам следить за жизнью Пущи, определять количество зверей, их повадки и маршруты. А некоторые из просек становятся дорогами, асфальтированными и грейдерными...

ПУЩА

Знать, любить, беречь

Рамлав уверенно ведет мотоцикл по узкой просеке, хрустит валежник, то и дело приходится нагибаться — ветви на уровне глаз.

Впереди дубрава, блестит на солнце светло-зеленая трава. А где же привычный грабовый подрост?

— Это «Проспект зубров», — говорит Рамлав. — Неплохие садовники, правда?

...Все началось с того июньского дня 1946 года, когда поляки передали нам пять зубров. Пуля. Пуф, Пугинал, Пурпура и Пустош — все они были потомками зубра Кавказ, завезенного в 1907 году с Северного Кавказа и давшего многочисленное потомство. Через несколько лет из Польши поступила вторая партия зубров, на этот раз коренного, полесского, происхождения. Первое время все зубры содержались в вольерах. Каждый год они давали хороший приплод. Но ведь зверь-то вольный, к тому же крупнейший представитель европейской фауны, нельзя же его все время держать за загородкой. И вот, когда стало ясно, что опасности исчезновения зубрового стада нет, половину выпустили на волю.

Сейчас число зубров, живущих на советской территории, достигло семидесяти пяти. В Беловежской пуще останутся только чистокровные беловежские зубры, а животных

с примесью крови так называемой горной формы постепенно вывезут в другие края. Много зубров отправлено в питомники Кабарды и Осетии, на Карпаты и в Волынскую область. Между прочим, это одна из задач Пущи — расширить географию зубра, этого прямого потомка животных ледниковой эпохи.

Мы возвращались из Пущи мимо питомника, где за деревянным барьером гуляют по «вспаханной» земле три зубра: Бенифис, Березка и Москвич.

Могучие темно-бурые быки — словно изваяния среди деревьев. Эта картина казалась пришедшей из далеких, далеких времен. Вот только жаль, не увидели мы зубров на свободе!

— Не огорчайтесь, — говорит Рамлав, — вольные зубры ничем не отличаются от этих. Но... они не выносят тархтенья мотоцикла. Гуляют где-то в соседнем квадрате. А в питомник приходят навещать родственников.

В день нашего отъезда в Управление позвонили из «Парка Народов» (так называется Беловежский заповедник в Польше):

— Три зубра отбились от своего стада и перешли границу...

— Да, знаем, примем гостей.

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

*Обитатели Беловежской пуши в
объективе фотоаппарата.*

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

